

На правах рукописи

Акбари Рогайе Мохарам

**РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
(на материале заимствований)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2014

Работа выполнена на кафедре общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Гилязетдинова Гелиня Хайретдиновна

**Официальные
оппоненты:** **Гайнутдинова Альбина Фатхутдиновна**, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

Гизатова Гузель Казбековна, доктор филологических наук, доцент, зав.кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВПО «Казанский государственный аграрный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Защита состоится «26» июня 2014 в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, 35. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://www.kpfu.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ (<http://www.vak.ed.gov.ru>).

Автореферат разослан « » мая 2014

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование исторических контактов, взаимовлияния генетически и типологически родственных и неродственных языков открывает широкий простор для теоретических и практических выводов по вопросам межкультурного общения, дает возможность осветить круг проблем, связанных с ролью иноязычных лексических единиц в обогащении словарного фонда взаимодействующих языков.

Проблемам языковых контактов посвящены многие работы русских и зарубежных лингвистов: Й. Айдуковича, Т.А. Бертагаева, Е.Э. Биржаковой, Р.А. Будагова, Л.А. Булаховского, У. Вайнрайха, Э.Ф. Володарской, Л.П. Крысина, А.А. Леонтьева, Е.В. Мариновой, И.И. Огиенко, В.Ю. Розенцвейга, Б.А. Серебренникова, Л.В. Щербы и др.

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению русско-персидских языковых взаимосвязей. В работе раскрывается история взаимоотношения русского и персидского языков, осуществляется двустороннее рассмотрение результата этого взаимодействия. С одной стороны, выявляются слова русского происхождения в персидском языке и освещаются процессы их освоения на разных языковых уровнях, а с другой, – анализируются слова персидского происхождения, функционирующие в русском языке.

Актуальность работы заключается в отсутствии системных исследований в области русско-персидских языковых контактов. Во-первых, в персидской лингвистической литературе ощущается потребность в выявлении полного объема русских заимствований и всестороннем фонетико-морфологическом, семантико-этимологическом и словообразовательном анализе русской лексики в современном персидском языке. Во-вторых, персидские слова в русском языке были изучены лингвистами в совокупности с другими иноязычными лексемами, прежде всего, в составе ориентализмов; а если ими занимались иранские ученые, то они ограничивались лишь самыми общими аспектами их исследования.

Вопросы взаимоотношения славянских и иранских языков содержатся в трудах Ф.Е. Корша, Л.З. Мсерианца, А.И. Соболевского, В.И. Абаева, Д.И. Эдельмана и др. И.И. Огиенко в работе «Иноземные элементы в русском языке» (1915) впервые классифицирует заимствования по времени и способу их проникновения в русский язык, особо отмечая древнее влияние иранских языков на русский. Исследованию заимствований персидского происхождения в русском языке и путей их проникновения в язык-реципиент посвящена работа казанского

ученого Е.К. Бахмутовой «Иранские элементы в деловом языке Московского государства» (1940). Российский иранист Л.С. Пейсиков в книге «Лексикология современного персидского языка» (1975) дает лишь общее представление о заимствованиях в персидском языке, в том числе и о русских словах. Кроме того, в трудах ряда персидских и русских иранистов (Н.А. Белгардский, Л. Асгари и др.) отражаются отдельные аспекты изучения персизмов в русском языке.

Иранские лингвисты в отдельных исследованиях рассматривают русизмы в персидском языке в ракурсе времени их вхождения, семантических преобразований (А.А. Садеги, М.М. Мохаммади) и т.д. Вышеперечисленные работы свидетельствуют о недостаточной изученности русских и персидских заимствований в исследуемых языках. Поэтому комплексное изучение русской лексики в персидском языке и персидской лексики в русском языке на протяжении длительной истории развития контактирующих языков является весьма актуальным.

Объектом исследования служит взаимовлияние русского и персидского языков на материале заимствованных слов разных сфер употребления, появившихся как результат политико-экономических и материально-культурных контактов между народами.

В качестве **предмета исследования** выступают процессы лексического заимствования, характер последующей рецепции иноязычной лексики на фонетическом, семантическом, морфологическом и стилистическом уровнях системой языка-реципиента.

Термин **заимствование** нами понимается как иноязычный элемент, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов из одного языка в другой. Таким образом, **заимствование** – это и процесс освоения иноязычного элемента, и сам этот элемент.

Под **русизмами** (*русскими заимствованиями, русскими словами*) в данном исследовании понимаются исконно русские слова, а также слова европейского, тюркского и иного происхождения, заимствованные персидским языком через посредство русского языка и уже воспринимаемые носителями языка-реципиента как собственно русские.

Термин **персизмы** (*персидские заимствования, персидские слова*) используется как слова персидского происхождения, пришедшие в русский язык прямо или опосредованно (через тюркские или западноевропейские языки). В

диссертации рассматриваются персизмы, этимология которых принимается не всеми исследователями.

Цель исследования – установить закономерности комплексного освоения слов русского и персидского происхождения в анализируемых языках путем описания механизмов вхождения лексем из одного языка в другой в течение длительных русско-персидских языковых контактов.

Поставленная цель определяет решение **следующих задач**:

- описать исторические предпосылки контактов исследуемых языков;
- выявить лексические единицы русского и персидского происхождения, зафиксированные в анализируемых источниках, уточнить их количественный состав;
- исследовать процесс обратного заимствования в русском и персидском языках;
- определить особенности тематической организации русизмов и персизмов в сопоставляемых языках;
- провести всесторонний (фонетический, морфологический, семантический и словообразовательный) анализ освоения русизмов в персидском языке в сравнении с прототипическими единицами в языке-источнике, выявить причины возникающих преобразований;
- описать процесс семантической ассимиляции слов персидского происхождения в русском языке и их стилистический статус, определить место персизмов в словарном составе заимствующего языка.

Источниками исследования послужили:

- разновременные этимологические словари русского языка – «Этимологический словарь русского языка: в 3-х т.» А. Преображенского (1949), «Этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского (1965), «Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.» М. Фасмера (1987), «Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х т.» П.Я. Черных (1999) «Этимологический словарь русского языка» Г.А. Крылова (2005) и др.;
- этимологические словари персидского языка – «Этимологический словарь иранских языков: в 3-х т.» В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельмана (2007), «Этимологический словарь персидского языка – فرهنگ ریشه شناختی زبان فارسی» حسن دوست (2003);
- словари иностранных слов – «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова (1910), «Словарь иностранных слов» Н.Г. Комлева

(2000), «Большой словарь иностранных слов» А.Ю. Москвина (2002), «Современный словарь иностранных слов» А.Н. Булыко (2004) и др.;

- толковые словари русского языка – «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словарь русского языка: в 4-х т.» А.П. Евгеньевой (1999), «Толковый словарь русского языка: в 4-х т.» Д.Н. Ушакова, «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецовой (2000) и др.;

- словообразовательные словари – «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т.» Т.Ф. Ефремовой (2000), «Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т.» А.Н. Тихонова (1985);

- двуязычные словари – «Русско-персидский словарь» Г.А. Восканяна (2008), «Персидско-русский словарь: в 2-х т.» Ю.А. Рубинчика (1970);

- толково-энциклопедические словари персидского языка – «Деххода: в 17-и т. – لغت نامه دهخدا» (2012), «Моин: в 6-и т. – فرهنگ فارسی معین» (2009), «Сохан: в 8-и т. – فرهنگ بزرگ سخن» и др.

Эмпирической базой диссертации стала картотека, насчитывающая около тысячи единиц (заимствованных слов и их производных), отобранных методом сплошной выборки из указанных лексикографических источников.

Методы исследования. Комплексный характер исследования позволил применить комбинацию ряда общенаучных (наблюдение, описание, типологизация, классификация, обобщение) и частных лингвистических методов (анализ словарных дефиниций, словообразовательный анализ и др.), метод компонентного анализа прототипов и коррелятов, метод стилистического анализа, статистический метод, а также метод сплошной выборки заимствованных лексем из словарей, печатных изданий, электронных ресурсов.

В ходе работы используется синхронно-диахронический подход, обеспечивающий рассмотрение русских и персидских лексических заимствований как результат длительных языковых контактов.

Научная новизна. Работа является первым опытом исследования русско-персидских языковых взаимосвязей от самого раннего этапа их возникновения до новейшего периода. В работе проведено комплексное изучение заимствованных лексических единиц русского и персидского происхождения на фонетико-морфологическом, семантическом, словообразовательном и стилистическом уровнях с выявлением ассимилятивных моделей.

Теоретическая значимость. Изучение русско-персидских языковых контактов имеет важное научно-теоретическое значение, так как конкретизирует факты процессов заимствования, адаптации и функционирования иноязычной

лексики в разнотипных языках, связи которых развивались с древнейшего периода и продолжаются до настоящего времени. Результаты исследования могут пролить свет на отдельные моменты в истории торгово-экономических, культурных и политических отношений русского и персидского народов и их языков.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов при чтении курсов по русской и персидской лексикологии и лексикографии, сравнительно-историческому языкознанию, переводоведению и т.д., а также при написании учебников и учебных пособий по этимологии, лингвокультурологии, истории слов. Результаты проведенного исследования могут найти применение в практике преподавания русского языка как иностранного в персоязычной аудитории, а также в преподавании персидского языка на всех этапах обучения.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Наиболее существенными результатами русско-персидских языковых контактов являются лексические заимствования (русизмы и персизмы), представляющие собой особый пласт в системе изучаемых языков.

2. Заимствование персидских слов русским языком прямо или опосредованно (через тюркские и европейские языки) имеет давнюю историю (первые древнеперсидские элементы заимствовались славянскими племенами до VIII в. н.э.), в то время как русские слова непосредственно и намного позже вошли в персидский язык (самые ранние заимствования датируются XV столетием).

3. Русизмы и персизмы разнообразны в тематическом плане. Русские заимствования широко представлены в технической и военной терминологии, а персидские – в торговой и обиходно-бытовой сфере.

4. Сопоставление русских и персидских прототипов и коррелятов в исследуемых языках позволяет констатировать существенные различия на фонетическом и морфологическом уровнях, что связано с активным воздействием фонетических и грамматических законов и норм заимствующего языка на прототипические единицы.

5. Лексико-семантическая рецепция русских и персидских прототипов в исследуемых языках характеризуется копированием значений (прежде всего моносемантических лексем), а также наличием количественных и качественных преобразований.

6. Анализ персидских коррелятов свидетельствует о способности русских прототипов активно включаться в деривационные процессы языка-реципиента.

7. С точки зрения частотности употребления среди персизмов можно выделить активные и пассивные. Основной пласт заимствований составляют активные слова. А среди пассивных персидских лексем особо выделяются экзотизмы с местным и восточным колоритом, встречающиеся преимущественно в художественной литературе.

Апробация работы. Материалы и результаты исследования докладывались на Международной научно-практической конференции КФУ «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 27-30 июня 2012 г.), на IV Международной научно-практической конференции КФУ «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 17-19 октября 2013 г.), на V Всероссийской научно-практической конференции «Татарская лингвокультурология: проблемы и перспективы» (Казань, 21-22 февраля 2014 г.).

По теме диссертационного исследования имеется семь статей, три из которых опубликованы в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения (список русских и персидских анализируемых слов).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет изучения, формулируются цели и задачи исследования, описываются методы изучения, раскрываются научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, даются сведения об апробации работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, и представляется структура реферируемой работы.

В первой главе **«Проблемы взаимодействия разноструктурных языков»** рассматриваются некоторые теоретические проблемы лингвистической контактологии, содержится историко-географический очерк по русско-персидским этноязыковым контактам, освещаются основные этапы и типы адаптации заимствованной лексики, а также процесс обратного заимствования некоторых лексических единиц.

Параграф 1.1. **«Теоретические проблемы языковых контактов»** посвящается уточнению понятия «языковые контакты». Этот термин в настоящее время толкуется неоднозначно. Так, У. Вайнрайх, Э. Хауген, В.Ю. Розенцвейг и др. определяют языковые контакты как «поочередное использование двух или более языков одними и теми же лицами». Нам представляется, что такое узкое понимание термина может не охватывать всего многообразия явлений, возникающих при взаимодействии языков, поэтому мы придерживаемся мнения Е.В. Опельбаума и считаем, что целесообразнее более широкое толкование термина, который понимается как «языковые связи на одном, нескольких или всех лингвистических уровнях, устанавливающиеся между родственными и неродственными языковыми системами вследствие определенных историко-географических, социально-политических, культурных, психологических и других экстралингвистических факторов» [Опельбаум 1971, с. 16].

В параграфе 1.2. **«Территориальная и генетическая дифференциация русского и персидского языков»** определяется место русского и персидского среди других индоевропейских языков. Индоевропейская семья, как одна из основных языковых макросемей, включает в себя древнейшие родственные языки Евразии: индо-иранский или арийский, балтийский и славянский, италийский или романский, германский, кельтский, греческий, армянский, албанский; мертвые языки: хеттский, тохарский и т.д.

Индо-иранские языки включают две группы: индийскую и иранскую. О том, как группируются языки иранской семьи, в лингвистической литературе встречаются разные точки зрения. Наиболее развернутой и корректной, по нашему

мнению, является классификация Д.И. Эдельмана, на основании которой персидский язык входит в южную подгруппу западной группы иранских языков [Эдельман 2002, с. 6-7].

Славянские языки, в свою очередь, делятся на три основные группы: восточнославянские, западнославянские, южнославянские. Русский язык наряду с украинским и белорусским языками входит в восточную группу славянских языков.

В параграфе 1.3. **«Исторические предпосылки русско-персидских языковых контактов»** приводится обзор научной литературы, посвященной исследованию соприкосновения славянских и иранских языков. О.Н. Трубачев указывает на славяно-иранские связи скифского времени в первом тысячелетии до нашей эры как свидетельство о пребывании и жизни славян на берегах Дуная [Трубачев 1983, с. 249-250]. Иранский русист Х. Голами относит к этому времени заимствование славянами из иранских языков таких общеупотребительных лексем, как *бог, рай, святой* и др. [Голами 2009, с. 85].

«Заслуживает внимания и более поздние – средневековые заимствования в русском языке, в основном из персидского (также, возможно, частично через посредников), связанные с проникновением в русский фольклор, а затем и в литературу персидских сюжетов, персонажей легенд, преданий, фольклорных и авторских сочинений» [Эдельман 2002, с. 179].

По словам А. Садеги, начало торговых связей между Ираном и Русью восходит к концу IX- началу XI вв., когда в Иране правили Саманиды [Садеги 2005, с. 3]. Как пишет ученый, самые древние русизмы в персидском языке появились в XV в. – в конце Сефевидского и начале Каджарского периодов. Среди русских слов, зафиксированных в исторических документах, автор называет лексемы *صوم* [sūm] < *сумма*, *کنیاس* [kenyās] < *князь* и др. [Там же, с. 12-13].

Параграф 1.4. **«Сведения об обратных заимствованиях»** посвящается вопросу появления «челночных» (обратных) заимствований в результате длительного взаимного влияния контактирующих народов и языков. Процесс проникновения лексем персидского происхождения *аршин, коленкор, сарафан, стакан* и др. в русский язык и обратное их возвращение в первоисточник показывает, что иноязычные (персидские) слова настолько могут осваиваться (русским) языком, что перестают ощущаться рядовыми его носителями как чужие, иностранные слова. Иноязычное происхождение таких заимствований может быть вскрыто только с помощью этимологического анализа.

В параграфе 1.5. «Адаптация иноязычной лексики. Этапы и типы адаптации заимствованной лексики» определяется термин «адаптация» как «национализация» иноязычного слова, поэтапно описывается процесс освоения заимствованной лексики, характеризуются основные виды адаптации иноязычий на чужой лингвистической почве.

Во второй главе «Лексика русского происхождения в персидском языке» представлены тематические группы русских слов в принимающем языке, описываются механизмы ассимиляции русизмов на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях, определяется их словообразовательная активность.

Персидский язык как один из древнейших языков, в силу ряда исторических условий и географического положения страны, постоянно соприкасался со многими родственными и неродственными языками. В систему персидского языка проник значительный пласт русских заимствованных слов, обозначающих жизненно важные понятия и имеющих широкое распространение в языке-реципиенте.

Параграф 2.1. «Тематическая классификация русских заимствований в персидском языке» содержит описание около 300 русизмов, зафиксированных в словарном составе персидского нормативного языка. Эти лексемы объединились в 13 тематических групп, среди которых преобладающими в количественном отношении являются технические и военные термины, заимствованные персидским языком в результате политических и научно-промышленных связей между Россией и Ираном в XIX-XX вв. Например, آفتامات ['āftāmāt] < *автомат*, آپارات ['āpārāt] < *аппарат*, کړوک [korūk] < *крюк*, بریگاد [berīgād] < *бригада*, آتریاد ['ātriyād] < *отряд* и т.д.

В параграфе 2.2. «Особенности фонетической трансформации русизмов в персидском языке» осуществляется сопоставление фонетических систем русского и персидского языков, анализируются фонетические изменения русских заимствований в принимающем языке.

Сравнение консонантных систем двух языков свидетельствует о количественном и качественном различиях между ними: а) в русском языке существует 36 согласных звуков, а в персидском – 32; б) в персидском языке отсутствуют звуки, свойственные для русского языка: [й], [ц], [щ], [ы] и др., и наоборот, существуют согласные, не характерные для русского языка: [j] ج, [u] ا, [h] ح и др.; в) в русском языке согласные звуки делятся на звонкие и глухие, твердые и мягкие; данные оппозиции отсутствуют в персидском языке.

Различия отмечаются и на вокалическом уровне: фонетическая система персидского языка характеризуется наличием шести гласных – долгих [ā], [ū], [ī] и кратких [a], [e], [o]. Гласные в персидском языке, в отличие от русской вокалической системы, не оказывают влияния на произношение согласных. Персидские гласные, в большинстве случаев, не зависят от места ударения, и в безударных слогах не меняется их основной характер. В русском языке ударный гласный «характеризуется относительно большей напряженностью произнесения, большей длительностью, а потому и более четким звучанием» [Русская грамматика 1980, с. 99].

Фонетическая модификация русских прототипов, обусловленная различиями фонетических структур двух языков, обнаружилась как на уровне консонантизма, так и на уровне вокализма. Например: ассимиляция согласных (рус. *квадрáт* > перс. گوادرات [govādrāt]), редукция гласных (рус. *сéмечко* > перс. سميشكا [semiškā]), апокопа (рус. *вáнна* > перс. وان [vān], рус. *колбасá* > перс. کالباس [kālbās]) и др.

Параграф 2.3. «**Характер морфологической адаптации русизмов в персидском языке**» посвящен сопоставлению грамматических категорий имен существительных в русском и персидском языках и выявлению ассимилятивных морфологических преобразований русских заимствований в языке-реципиенте.

На процесс адаптации русизмов к грамматической структуре персидского языка оказывают влияние сходства и различия морфологической системы двух языков.

Существительные в русском языке характеризуются категориями рода, падежа и числа. В персидском языке основными грамматическими категориями, выражающими субстантивность существительных, являются категория числа и выделенности; система склонения существительных и категория рода отсутствуют.

Анализ слов русского происхождения на грамматическом уровне демонстрирует полное подчинение заимствований структурным законам языка-реципиента. Выявлен ряд модельных преобразований заимствований, связанных со сменой грамматических характеристик. К их числу относится утрата показателей рода, падежа (русизмы в персидском языке теряют такие важные для языка-источника свойства, как склонение слова в разных формах или влияние его рода на зависимые слова), приобретение артикля и специальных агглютинативных

суффиксов¹ и смена частеречной принадлежности у русских заимствований в персидском языке.

В параграфе 2.4. «Семантическая адаптация русских заимствований в персидском языке» характеризуется процесс освоения семантики иноязычного слова как один из основных критериев его ассимиляции в языке-реципиенте, определяются особенности и закономерности семантической адаптации русских заимствований в персидском языке.

В результате сопоставления семантической структуры прототипа и коррелята выявлены два структурных типа заимствований в языке-реципиенте.

I. Русизмы, мигрирующие в персидский язык без изменений или с незначительным изменением. Это в основном моносемичные слова, являющиеся номинациями заимствованных из чужой культуры предметов, реалий, отсутствующих в языке-реципиенте: واكسيل بند [vāksilband] < *аксельбанты*, اسكناس [ʻeskenās] < *ассигнация*, پوت [pūt] < *пуд*, سماور [samāvar] < *самовар* и др. В редких случаях встречаются и полисемантические лексемы (آتامان [ātāmān] < *атаман*, خاموت [xāmūt] < *хомут* و چرونس [červons] < *червонец*), сохранившие весь объем семантики в принимающем языке.

II. Русизмы, претерпевшие квалитативные (качественные), квантитативные (количественные) и категориальные преобразования.

1. Квалитативные изменения в семантической структуре слов проявляются в сужении объема значения, расширении семантической сферы и появлении отрицательной оценки в значении слова.

Сужение семантики слов русского происхождения в персидском языке наблюдается в том случае, когда родовое понятие используется при назывании видового и при специализации значения слова-этимона. Например, лексема **отряд** в русском языке обозначает: 1. Специальное или отдельное воинское формирование. 2. Группа людей, организованная для совместной деятельности. 3. В систематике животных: подразделение класса [СОШ, с. 479]. Коррелят آتریاد [ʻātriyād] в принимающем языке относится к числу устаревших русизмов, у которого сохраняется первое значение прототипа. Согласно персидским источникам, заимствование в языке-реципиенте обозначает ‘отдельное солдатское формирование’ [Сохан Т.1, с. 43], ‘воинскую часть или соединение’ [Моин Т.1, с. 28].

¹ Большинство русизмов pluralia tantum, приобретая суффиксы -ها -hā و -جات -jāt, получают полную парадигму и употребляются в форме множественного числа.

Расширение значения русизмов в персидском языке реализуется в трёх случаях: а) при восстановлении значения слова-этимона, когда оно используется с конкретным значением в языке-источнике, а после заимствования его значение расширяется и слово употребляется в более общем смысле; б) при метонимическом переносе; в) (редко) при метафорическом переносе. Например, лексема **вакса** в русском языке обозначает чёрную мазь для чистки кожаной обуви [СОШ, с. 67]. Персидский вариант واكس [vāks] представляет собой один из современных русизмов, который имеет два значения в языке-рецепторе: 1. 'Маслянистое вещество разного цвета для покраски и чистки кожаной обуви'. 2. 'Маслянистое вещество для полировки паркета, камня, резины и т.п.' [Сохан Т. 8, с. 8157].

В третью подгруппу слов с качественными преобразованиями семантики входят редкие русизмы, получившие в персидской лексической системе отрицательный оттенок значения. Примером может служить лексема *матушка*. Слово в русском языке имеет следующие значения: 1. То же, что мать (*уст., разг.*). 2. В некоторых выражениях: то же, что мать (во 2 знач.). 3. Обращение к женщине, обычно пожилой (*прост.*). 4. Жена священника, а также обращение к ней. 5. То же, что монахиня (*уст. и разг.*) [СОШ, с. 346]. Коррелят ماتوشكا [mātūškā] относится к числу русских устаревших заимствований, распространённых в начале Первой мировой войны и используемых среди носителей персидского языка. Слово, войдя в персидский язык, потеряло все свои нейтральные (и даже положительные) оттенки и начало функционировать в негативном смысле для обозначения проститутки и женщины-злодейки.

2. Квантитативные преобразования могут обнаруживаться тогда, когда количество значений заимствования при сохранении их качества изменяется:

а) слово-прототип имеет большее количество значений, чем коррелят. Например, лексема **семечко** в языке-источнике имеет следующие значения: 1. То же, что семя. 2. Одно семя в плоде растения. 3. *мн.* Семена подсолнуха, которые едят как лакомство. 4. Семечки! Пустяки, ерунда, ничего не стоит, не заслуживает внимания (*прост.*) [СОШ, с. 711]. Коррелят سميشكا [semiškā] в языке-реципиенте обозначает 'семена подсолнуха, которые едят как лакомство' [Сохан Т.5, с. 4252].

б) слово-прототип в языке-источнике имеет меньшее количество значений, чем коррелят в принимающем языке. Например, лексема **чугун** в русском языке толкуется как: 1. Сплав железа с углеродом и некоторыми другими элементами, более хрупкий и менее ковкий, чем сталь. 2. Сосуд округлой формы из такого

сплава [СОШ, с. 891]. Согласно данным словаря Деххода, русизм چدن [čodan] развил специальные значения в языке-реципиенте: 1. ‘Сплав железа с 1.8 – 4.5% углеродом и некоторыми другими элементами (кремний и марганец), являющийся основным материалом для производства стали и изготовления отливок’. 2. ‘Сплавной металл (латунь), применяемый в изготовлении скульптур и т.п.’ 3. ‘Необработанное железо, используемое для изготовления печей, скульптур и т.п.’ 4. ‘Пушечный металл’. 5. ‘Сорт твердого металла’. 6. ‘Сорт сплавного металла’. 7. ‘Сплав железа, свинца, меди, олова, золота, серебра и сурьмы’. (см.: [Деххода, 2012]). Русское заимствование چدن [čodan] получило широкое распространение в современной сталелитейной промышленности Ирана.

3. Категориальные преобразования обнаруживаются тогда, когда при заимствовании слова меняется его частеречный статус, в результате чего трансформируется и лексическое значение слова. Например, русский глагол *кормить* обозначает действие – ‘давать корм (животным)’, а коррелят غرموت [yormūt] в персидском языке является существительным и имеет предметное значение – ‘еда и корм для лошадей’.

Параграф 2.5. «Деривационные возможности русских слов в персидском языке» посвящен рассмотрению основных словообразовательных способов русского и персидского языков, изучению деривационного потенциала русских заимствований в персидском языке и определению их роли в формировании словообразовательных гнезд и звеньев.

Русские лексические единицы продемонстрировали большую активность в образовании новых производных слов и словосочетаний по словообразовательным моделям персидского языка. Среди них можно назвать производные имена существительные со значением лица, действия и места, созданные разными словообразовательными способами (аффиксацией, полуаффиксацией, словосложением), ср.: آسفالت کار [āsfālt-kār] ‘асфальтщик’, آسفالت کاری [āsfālt-kār-i] ‘асфальтирование’, [āpārāt-khāne] ‘аппаратная’; прилагательные со значением отношения к предмету, принадлежности и наименования профессии, ср.: کاپکی [kāpek-i] ‘копеечный’, سماوری [samāvar-i] ‘самоварный’, واكسی [vāks-i] ‘чистильщик обуви’; гибридные русско-персидские словосочетания, созданные на базе русизмов, ср.: کالسکه دستی [kāleske-e dastī] ‘ручная коляска’, لنت ترمز [lent-e tormoz] ‘тормозная лента’ и др. Характерно, что русские глагольные формы, кроме редких случаев (*буксовать*, *окутать*, *шуметь*), не заимствовались принимающим языком, однако персидские простые глаголы, присоединяясь к

именным основам существительных русского происхождения, образовывали компонирующие (сложные) глаголы типа *آسفالت کردن* [āsfālt kardan] ‘асфальтировать’, *تормز کردن* [tormoz kardan] ‘тормозить’ и др.

Третья глава «Лексика персидского происхождения в русском языке» посвящена тематической классификации персизмов, рассмотрению особенностей стилистического функционирования активных и пассивных персидских заимствований в словарном составе русского языка, изучению персидских экзотизмов как лингвистического феномена, описанию процесса семантического освоения персизмов в языке-реципиенте.

В параграфе 3.1. **«Основные тематические группы персизмов в русском языке»** рассмотрено более 400 персидских заимствований в составе 16 тематических групп. Основную массу персизмов в русском языке составляют слова, проникшие в русский язык в результате торговли, дипломатических отношений и путешествий: *амбар, зимбиль, майдан, тамаша, шах* и др. В то же время немногочисленные персидские заимствования из области литературы, медицины и т.п. свидетельствуют о том, что ирано-русские языковые контакты ограничивались сферой экономики и почти не проявлялись в научных, философских и т.п. областях.

В параграфе 3.2. **«Особенности функционирования активных и пассивных персизмов в словарном составе русского языка»** исследуются стилистические характеристики и частотность употребления персидских заимствований.

Персизмы, зафиксированные в русских лексикографических источниках, объединяются в две группы: слова активные и пассивные. Значительная часть заимствований входят в число активного словарного запаса принимающего языка. Это общеупотребительные лексемы, называющие важные предметы и явления повседневной жизни, способные к семантическому варьированию и продуктивные в деривационных процессах языка-реципиента. Например, *базар, караван, нефть, сарай* и др. В пассивную часть персизмов входят устаревшие слова (*жердела* “дерево и плод абрикоса”, *килим* “шерстяной безворсовый двусторонний ковёр ручной работы”) и неологизмы (*азан, русари* “платок”, *хауз* “водоем во дворе восточных домов” и др.).

Анализ персидских заимствований относительно их принадлежности к пассивному или активному словарному запасу русского языка позволяет нам утверждать, что 57% от общего числа персизмов, функционирующих в

разножанровых текстах русского языка, составляют активные слова, 43% персидских слов – пассивная лексика (26% – архаизмы, а 17% – историзмы).

Параграф 3.3. «**Экзотизмы персидского происхождения в русском языке**» посвящен изучению экзотической лексики как особого пласта слов, отражающих национальную языковую картину мира.

Экзотизмы – частично ассимилированные слова, обладающие особыми признаками на всех уровнях языка и служащие для передачи особенностей культуры, названия предметов и явлений, характерных для быта и жизни других стран (других народов).

Целесообразно предположить, что практически все персизмы на этапе вхождения в русскую лексическую систему функционировали в качестве экзотизмов, так как использовались для обозначения чужих, ранее неизвестных для носителей принимающего языка реалий и понятий. Позднее такие лексемы, как *аршин*, *гуляф* “розовая вода”, *сафьян* и др., с заимствованием самого предмета стали активно употребляться в языке-реципиенте, а часть слов сохранила свою чуждость и экзотичность для носителей русского языка.

Тематически персидские экзотизмы весьма разнообразны: это наименования людей по роду деятельности (*чарводар* “обозник, погонщик из жителей”, *чабан*), социальному положению (*шах*, *мирза*), названия одежды (*чадра* “женское покрывало, закрывающее всё туловище и лицо”), термины, относящиеся к религии и мусульманскому миру Востока (*намаз*, *науруз* и т.д.) и др. Эти слова чаще всего находят отражение в переводной и художественной литературе при описании жизни и культуры восточных стран и почти не используются в разговорной речи.

В параграфе 3.4. «**Семантическая ассимиляция персидских заимствований в русском языке**» анализируются процессы преобразования семантической структуры персизмов и определяются закономерности их адаптации в лексической системе русского языка.

Приспособление персидских заимствований к семантической системе русского языка происходит по четырем направлениям:

1. Сохранение значения слова-этимона. Довольно широкий круг моносемичных персизмов обиходно-бытового характера перешли в русский язык с исконным значением. Обычно они обозначают новые понятия и реалии, ранее никак не называвшиеся в принимающем языке или называвшиеся описательным путем. Основную часть указанных лексем составляют: а) слова, обозначающие растительный мир (*инжир* “винные ягоды” < перс. انجیر [anjir]); б) названия тканей, одежды (*дороги* “азиатская шелковая ткань” < перс. دارایی [darā-yī] ‘шелковая

ткань’); в) наименования минералов и химических веществ (*изумруд* “драгоценный камень зеленого цвета” < перс. زمرد [zomorrod]); г) названия предметов домашнего обихода (*зимбиль* “род мягкой корзины из рогозы” < перс. زنبیل[zambil]) и др.

2. Сужение семантического поля слова-этимона. Основным направлением модификации семантики персидской лексики в русском языке является сужение семантического поля, которое может проявляться в таких случаях: а) сокращение количества значений слова при вхождении в заимствующий язык; б) конкретизация и специализация семантики слова-этимона; в) метонимическое переосмысление слова-прототипа; г) использование родового понятия при наименовании видового.

К типичным случаям сужения понятийного объёма в принимающем языке можно отнести слово **парча**, обозначающее в русском языке плотную шелковую сложно-узорчатую ткань, затканную золотыми или серебряными нитями. Интересно отметить, что в русских сказках *парча* выступает в качестве очень дорогого подарка девушке, женщине и является символом богатства и обеспеченности [БТСРЯ, с. 784]. Этимология анализируемого слова пока еще остается спорной и неясной. Так, М. Фасмер, А. Преображенский и Г.А. Крылов относят его к числу тюркизмов. Но А.Н. Булыко, А.Ю. Москвин, А.Н. Чудинов и др. считают его персидским заимствованием. Более вероятно, что слово вошло в русский язык через посредство тюркских языков. Персидский прототип پارچه [pārĉe] в языке-источнике определяется как: 1. ‘Ткань разного вида, используемая при шитье одежды, штор, постельных принадлежностей и т.п.; текстиль; материя’. 2. ‘Отрезок, часть, кусок’. 3. ‘Единица измерения недвижимости, текстиля и т.п.’ [Сохан Т. 2, с. 1234]. Известно, что персидское слово было заимствовано русским языком как наименование ткани, в дальнейшем заимствование шло по пути конкретизации: от названия любой ткани к обозначению определенного вида плотной ткани, а именно шелковой, затканной золотыми или серебряными нитями.

3. Расширение значения слова-прототипа. Развитие дополнительных значений и расширение сферы употребления можно исследовать при адаптации персизма **бадья**. Слово в принимающем языке имеет такие значения: 1. Деревянное окованное или металлическое широкое ведро, суженное книзу (для извлечения из колодцев и шахт воды, руды, земли и т.п.). 2. *шутл.* Об очень большой посудине. 3. Количество чего-л. (обычно жидкого или сыпучего) [БТСРЯ, с.54]. По словам Г.Х. Гилязетдиновой, заимствование активно

функционировало в деловых памятниках XV-XVII вв. в значении “широкое деревянное ведро, кадка” [Гилязетдинова 2010, с. 41].

У прототипа بادیه [bādiye] в персидском языке зарегистрированы следующие значения: 1. ‘Глиняный сосуд, в котором хранят вино; кувшин для вина’ [Моин Т. 1, с. 461]. 2. ‘Металлическая, глиняная или другая посуда для пищи’ [Сохан Т. 2, с. 729].

Сравнение предлагаемых значений для коррелята и прототипа свидетельствует о том, что персидское слово заимствовалось русским языком с первым значением и в более общем смысле (широкое деревянное ведро, кадка). На следующем этапе, в результате метонимического переноса, на новой языковой почве у него появилось новое значение (мера жидкости). А затем, в процессе развития семантически слово стало употребляться в переносном значении (большая посудина).

4. Изменение значения слова-прототипа. Часто под воздействием русской языковой системы или под влиянием языков-посредников начальное значение персизмов подвергается изменению, и слова начинают использоваться в другом, ранее неизвестном значении в языке-источнике. В качестве примера можно привести лексему **арбуз**. В Словаре Ушакова персизм употребляется для обозначения большого, круглого, сочного, сладкого плода огородного растения из семейства тыквенных [Ушаков Т. 1, с. 53]. А для прототипа خربزه [xarboze] в языке-источнике зафиксировано два значения: 1. ‘Сладкий, ароматный и сочный плод большой овальной формы с желтой, зеленой или белой поверхностью и желтой или белой мякотью’. 2. ‘Однолетнее растение семейства тыквенных’ [Сохан Т. 4, с. 2709]. Из персидского толкования можно понять, что слово в языке-источнике обозначает дыню, а его значение на русской почве сместилось. Потому что, как говорится, *У всякого свой вкус: кто любит дыню, кто арбуз*, дыня и арбуз – две разные вещи.

Анализ персидских заимствований, лексические значения которых в языке-источнике подвергались смещению, продемонстрировал семантическую близость коррелятов с прототипами. Таким образом, есть основания считать, что перенос наименований происходит в зависимости от ассоциативных связей, появляющихся у носителей русского языка при осмыслении персидских слов.

В Заключении формулируются выводы.

Русские слова составляют значительный пласт лексики современного персидского языка, особенно в области техники и промышленности. Адаптационные характеристики этих слов представляют собой результат конвергентных и дивергентных свойств двух разнотипных языковых систем.

Различия в фонетическом строе русского и персидского языков определяют те ассимилятивные изменения, которые происходят в русских словах при их миграции в персидскую языковую систему. Среди изученных лексем обнаруживаются как заимствования, претерпевшие фонетические преобразования, так и слова, фонетический облик которых сохранился практически без особых изменений.

Анализ морфологических преобразований русских заимствований в персидском языке показывает, что иноязычные слова утрачивают свои первоначальные грамматические свойства и полностью подчиняются структурным законам принимающего языка.

Семантическая ассимиляция русизмов характеризуется качественно-количественными и категориальными преобразованиями в системе персидского языка. Характерно, что большая часть русских заимствований сохранили своё значение, а те, которые претерпели изменения, глубоко вошли в семантическую систему языка.

Появление значительного количества дериватов в персидском языке, мотивированных словами русского происхождения, является результатом взаимодействия двух процессов: заимствования и включения иноязычных лексических единиц в словообразовательную систему языка-реципиента.

Тематическое членение персизмов свидетельствует о том, что эти слова охватывают широкий круг человеческой деятельности. Преобладающими являются персизмы, попавшие в русский язык через сферу торговли.

С функционально-стилистической точки зрения из корпуса персидских заимствований в русском языке можно выделить слова активные и пассивные (устаревшие слова и неологизмы). Важной особенностью персидских заимствований является их высокая словообразовательная активность. Однако архаизация персизмов происходит вследствие недостаточной их освоенности языком-реципиентом, кратковременности использования и т.п.

Особый разряд пассивных лексем персидского происхождения составляет экзотическая лексика. Отличительной особенностью экзотизмов является то, что они не имеют русских синонимов, поэтому обращение к ним при описании жизни

других народов продиктовано необходимостью. Использование экзотизмов в художественной литературе оправдано созданием местного колорита, воспроизведением обстановки, пейзажа и т.п.

Изучение семантических сфер персидских заимствований в русском языке позволяет утверждать, что в большинстве случаев семантика персизмов подвергается изменению и чаще всего направлена в сторону сужения объема значения (утрата одного или нескольких значений у полисемантических слов, метонимический перенос, специализация и конкретизация семантики).

Исследование русско-персидских языковых взаимодействий, обнаруживающихся практически во всех сферах жизни контактирующих народов, демонстрирует сложность и неоднозначность такого языкового явления, как заимствование.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Акбари Р.М. Фонетическая трансформация русизмов в персидском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 7 (25). – Тамбов: Грамота, 2013.– С. 18-20.
2. Акбари Р.М. Сопоставительный анализ деривационных возможностей слов в русском и персидском языках (на материале заимствований) // Филология и культура. Philology and culture. – №3(33). – Казань, 2013.– С. 11-14.
3. Акбари Р.М. Семантическая адаптация русских заимствований в персидском языке XIX – XX вв. / Г.Х. Гилязетдинова, Р.М. Акбари //Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – Том 155, кн. 5. – 2013. – С. 89-96

Публикации в других изданиях:

1. Акбари Р.М. К вопросу о взаимосвязи персидского и русского языков / Н.В. Габдреева, Р.М. Акбари // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Материалы Международной

- научно-практической конференции (27-30 июня 2012 г.). – Казань: Отечество, 2012. – С. 305-307.
2. Акбари Р.М. Из истории обратных заимствований: (на материале русского и персидского языков) // ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЭТНОС: сборник научных трудов, посвященный 10-летию со дня основания кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии КФУ. – Казань: Отечество, 2013. – С. 23-26.
 3. Акбари Р.М. О грамматических категориях имен существительных в русском и персидском языках (на материале заимствований) / Г.Х. Гилазетдинова, Р.М. Акбари // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Материалы IV Международной научно-практической конференции (17-19 октября 2013 г.). – Казань: Ихлас, 2013. – С. 89-91.
 4. Акбари Р.М. О некоторых персидских экзотизмах в русском языке // Татарская лингвокультурология: проблемы и перспективы: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (21-22 февраля 2014 г.). – Казань, 2014. – С. 14-16.